

Woman in Russian Society
2021. No. 1. P. 104—115
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.9

Женщина в российском обществе
2021. № 1. С. 104—115
ББК 63.3(2)53-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.9

ИНСТИТУТ МАТЕРИНСТВА В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКИХ ПЕРЕМЕН (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)

Ю. В. Литвин

Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр,
Российская академия наук, г. Петрозаводск, Россия, litvinjulia@yandex.ru

Выдвигается задача показать развитие института материнства в Карелии в исторической динамике, а также представить социокультурный статус матери и изменения стратегии репродуктивного поведения в карельской деревне. Изучаемые сюжеты относятся к концу XIX — началу XX в., времени экономических реформ и социокультурных перемен в российском обществе, имевших своеобразное преломление на окраинах империи. В основе статьи — комплекс исторических, этнографических источников, данные диалектной лексики, полевые материалы автора, а также широкий круг российской и зарубежной (прежде всего, финской) научной литературы по представленной теме. Автор придерживается принципов гендерной истории, предложенных Дж. Скотт и подразумевающих анализ культурных символов, нормативных предписаний и социальных институтов, а также жизненных историй конкретных женщин.

Ключевые слова: карельская крестьянка, карельская деревня, история Карелии, институт материнства, репродуктивное здоровье.

© Литвин Ю. В., 2021

Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

**MOTHERHOOD IN THE KARELIAN VILLAGE:
TRADITIONAL PRACTICES IN THE CONTEXT
OF RUSSIA-WIDE CHANGES
(LATE XIX — EARLY XX c.)**

Yu. V. Litvin

Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk,
Russian Federation, litvinjulia@yandex.ru

Traditions of Karelian maternity rituals are widely represented in the ethnographic historical science literature. At the same time motherhood as an institution and as a social and cultural status deserves special consideration. The paper is aimed at describing the development of the motherhood within Karelia in historical dynamics, as well representing the social and cultural status of the mother and the changes in the strategy of reproductive behavior in the Karelian village. The events presented in the paper refer to the period of the late XIX — early XX c. It was a time of economic, social and cultural reforms in Russian society, which had some specific repercussions on the empire borderlands. The paper uses a large number of recently published and unpublished ethnographic and historical sources, dialect vocabulary data, some of the author's field materials and scientific works on the topic. The author adheres to the principles of gender history proposed by J. Scott, which involves the analysis of cultural symbols, normative prescriptions and social institutions and life stories of individual women. The author comes to the following conclusions. 1. Marriage and the maternity increased the social prestige of the peasant women, because they realized her main purpose. 2. The gender of the child had a different meaning for the male and female part of the peasant family collectives. If considering the patrilocal line of inheritance, preference was given to the birth of a boy. At the same time, the Karelian language data indicate a higher status of the mother after the birth of the girl. 3. There was a change in reproductive behavior in the North Karelian families in the second half of the XIX c. towards to reducing the number of children in the family to two or five. The reasons for such transformation were the growth in the importance of non-agricultural earnings, and the border position of the region (the cross-border marriages), which changed the customary cultural norms. 4. Some elements of modernization were not perceived by Karelian women. They continued to apply to rural midwives despite the growth of the network of obstetric care, and they also preferred the bathhouse or barn as a place for childbirth instead of medical institutions.

Key words: Karelian peasant woman, Karelian village, history of Karelia, maternity institute, reproductive health.

Традиции родильной обрядности карелов освещены в этнографической литературе [Клементьев, Сурхаско, 2003; Сурхаско, 1985; Paulaharju, 1995], демографические характеристики карельской семьи представлены в исторических работах (см., напр.: [Илюха, 2007; Чернякова, 2003; Шикалов, 2008; Нямунен, 2004]). При этом материнство как институт и как социокультурный статус, включая такие сюжеты, как процесс инкорпорации женщины в семью и деревенский социум, является темой, заслуживающей отдельного рассмотрения. Данный исследовательский ракурс позволяет обратить внимание не столько на сам обряд,

сколько на его субъект — женщину и ее дальнейшую судьбу в новом положении. Кроме того, обряд как некая идеальная форма имел множество инвариантов в реальной жизни и подвергался изменениям в связи с социально-экономическим развитием края.

Карелия на карте Российской империи

Современная Республика Карелия включает в себя территории бывших Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого, Пудожского уездов Олонецкой губернии, а также Кемский уезд Архангельской губернии. На протяжении XIX — начала XX в. Карелией неформально называли области, заселенные преимущественно карельским населением. «Карельское» пространство Олонецкой губернии включало в себя юго-западные волости Олонецкого и западные части Петрозаводского и Повенецкого уездов. Ареалом проживания карелов Архангельской губернии были приграничные с Финляндией волости Кемского уезда на западе и северная часть Карельского Поморья от Кандалакши до Керети на востоке. Эту территорию также называли Беломорской или Архангельской Карелией. Кроме того, внутри Карелии существуют три этнокультурные зоны — Южная, Средняя и Северная Карелия. Каждая из зон испытала на себе влияние разных этнических групп. Южная зона находилась под воздействием соседнего русского (Заонежье) и вепсского населения, где сформировались этнолокальные группы карелов-ливвиков и карелов-людиков. Северная часть Карелии находилась в зоне контактирования с саамским, русским (поморским) и финским населением. Там сложилась этнолокальная группа северных карелов. Средняя этнокультурная зона, включавшая северо-запад Повенецкого уезда Олонецкой губернии, являлась переходной зоной между Северной и Южной Карелией.

«Лодке хочется на воду, девушке — в замужество»¹: символы материнства в карельской свадебной обрядности

С ранних лет карельская девочка готовилась к роли матери: сначала присматривая за младшими братьями и сестрами, а позже, в подростковом возрасте, — отправляясь в адиво² и участвуя в молодежных посиделках, основными темами которых были поиск супруга, выход замуж и рождение детей [Илюха, 2007: 79—80; Mironova, Litvin, 2017: 89—92]. Вначале необходимо кратко описать основные тенденции брачного поведения карельской молодежи, а также символику материнства в свадебном ритуале. Средний возраст вступления в первый брак девушек Олонецкой губернии в конце XIX — начале XX в. был выше, чем в целом по России, и составлял 21 год для девушек и 24 года для юношей; в Кемском уезде Архангельской губернии — 23 и 28 лет. Чем севернее находилось поселение, тем выше был возрастной «потолок» замужества и женитьбы, что было следствием комплекса причин социально-экономического и культурного характера. Молодежь, своевременно не вступившую в брак, общество определяло в соответствующую группу: их называли старыми девами

¹ Vesillä venosen mieli, tytön mieli mieholah — карельская пословица.

² Adivo — обычай посещения девушкой родственников, живущих за пределами деревни, в течение 1—2 недель в период после окончания полевых работ до февраля.

и старыми парнями. К незамужней женщине обращались *vanha tyttö* — старая девушка или *neizakku* — девушка-баба, были и такие эпитеты, как сидящая на лавке отца, т. е. оставшаяся в доме родителей. Северные карелы про старых дев говорили, что у них «коса на плече истлеет»³. Подобная оценка сохранялась на протяжении всего XX в. Относительно засидевшихся в холостяках юношей негативных высказываний обнаружено меньше [Mironova, Litvin, 2017: 94—95].

Повсеместно значимым компонентом в составе свадебной обрядности являлись магические действия, направленные на рождение ребенка [Байбурин, 1993: 20]. В карельской, как и русской, традиции в свадебных ритуалах отчетливо прослеживается предпочтение мальчика девочке. Так, у всех этнолокальных групп карелов во время свадьбы было принято сажать мальчика невесте на колени с пожеланиями рождения «девяти сыновей и одной дочери» [Сурхаско, 1977: 148]⁴.

После венчания свекровь встречала молодых у порога дома и осыпала их зернами ячменя. По сообщению из Южной Карелии, невестка собирала брошенный свекровью ячмень в подол [Материалы... , 1956]. В семантике подобного действия угадывается стремление обеспечить чадородие в браке, поскольку компоненты обряда — зерно и подол юбки — соотносились с плодородием и являлись символами репродукции.

Одним из первых действий, осуществляемых карелкой при переходе в дом мужа, являлось установление контакта с печью — местом обитания предков. Войдя в избу, она бросала серебряную монету на печь или в запечье [Сурхаско, 1977: 173; Sarmela, 2009: 216]. Обратимся еще к одной метафоре печи. В Беломорской Карелии существовало поверье, по которому устье печи соотносилось с материнским лоном: «Когда поленья клали в печь, то надо было класть их комлем вперед, иначе дети могли родиться вперед ногами» [Конкка, 2014: 326]. Схожая традиция бытовала в различных областях Финляндии [Sarmela, 2009: 216]. Отношения с домашним очагом для невестки были крайне важны. Она могла унаследовать от свекрови власть над печью, право готовить для всей семьи только после рождения детей.

Беременность и роды карельской крестьянки в конце XIX — начале XX в.: попытки институализации и господство традиции

К беременности готовились заблаговременно. Однако окружающие узнавали о ней чаще всего случайно. Повсеместно в России и в Карелии эту новость старались сохранять в тайне как можно дольше, что нашло отражение в карельской лексике: беременную называли *rakšu* — толстая, *lašta vuottaja* — ждущая ребенка, *vašankerallini* — имеющая живот. В загадках беременная обозначается при помощи неодушевленного предмета, в отличие от одушевленных метафор ребенка в утробе [Карельские народные загадки, 1982: 42, 96]. Уподобление женщины неодушевленным предметам связано с желанием скрыть ее положение, а также с представлением о пассивности будущей матери, сужении ее жизненного пространства и социальных функций.

³ Коса — символ девичества. Выходя за предписанные традицией границы брачного возраста, карелка лишалась данного символа и статуса «девица на выданье».

⁴ Вместе с тем многодетность у карелов не поощрялась. Затраты на содержание и воспитание большого количества детей, частое устранение женщины от ведения дел могли разорить крестьянское хозяйство.

Согласно крестьянским представлениям, быстрому разрешению от родов способствовала тяжелая физическая работа, которой занимались вплоть до начала схваток. Подобные обстоятельства нередко приводили к рождению ребенка вне дома — во время полевых работ, на рыбалке, в дороге. Традиция рожать вне дома сохранялась и в 1930-х гг. Одна из моих собеседниц 1939 года рождения рассказывала:

Родилась я вообще в поле. Мама не успела дойти. Сельский совет дал подряд заготовить дрова — такие вот жерди, тонкие дровишки метровые для каких-то нужд деревни. Бабушка Наталья говорит: «Ничего, Мотинька, очень даже полезно поработать, легче потом родишь» [Материалы... , 2016].

Во многих рассказах о рождении детей, бытовавших в женском коллективе, фиксировалась нестандартная ситуация родов. Эти истории служили своеобразным предупреждением для будущих матерей [Разумова, 2001: 183, 287]. В них же подчеркивалась быстрая реабилитация женщины и ее готовность к работе. Такие истории были призваны утверждать нравственные и поведенческие нормы для женщины в период беременности и после родов. Ссылаясь на Л. Пелконен, шведская исследовательница М.-Л. Кейнянен указывает, что так подтверждался авторитет старших женщин и создавался идеал сильной, трудолюбивой крестьянки, способной к быстрому восстановлению и работе даже через боль. Если стандарт не соблюдался, карелка могла прослыть ленивой, ни на что не годной [Keinänen, 2003: 151]. Отметим, что ситуация не была столь однозначной. Время отдыха молодой матери зависело от цикла сельскохозяйственных работ и благосостояния семьи. Если крестьянка рожала зимой, то ее отдых мог продолжаться неделями. В больших или зажиточных семьях отдых матери также мог длиться несколько недель [Сурхаско, 1985: 37].

Репродуктивное здоровье крестьянки стало объектом научного и общественного внимания в начале XX в. (см.: [Айвазова, 1998]). В Олонецкой губернии вопрос о здоровье населения систематически стал решаться с введением земства в 1864 г. Именно земство впервые озаботилось развитием акушерства в крае. В конце XIX в. Олонецкая губерния занимала одно из первых мест в стране по числу акушерских пунктов: их количество достигало 37, тогда как в большинстве других земских губерний не превышало 9 [Веселовский, 1909: 412]. К 1910 г. практически каждый уездный город был обеспечен профессиональной акушеркой. Всего в Олонецкой губернии в 1910 г. насчитывалось 85 специалистов [Памятная книжка... , 1910: 148—150]. Еще через 4 года их количество увеличилось до 100, причем на территории «карельских» уездов служили 33 акушерки [Обзор... , 1915: 34]⁵. В начале XX в. появляются первые плоды внимания медицинской общественности к репродуктивному здоровью женщины. Вот что по этому поводу в 1909 г. писала на страницах земского издания крестьянка:

⁵ Система здравоохранения в Кемском уезде Архангельской губернии, частично населенном карелами, находилась в худшем положении в связи с отсутствием земства. Здесь медицинскими вопросами ведал Приказ общественного призрения. В 1872 г. на службе во врачебной управе состояло 8 повивальных бабок, вакантными оставалось 19 мест [Справочная и памятная книжка... , 1875: 49].

Ни болезнь, ни роды — ничто бабу не спасает. Если родила в рабочую пору, то на третий день иди вязать (сено. — Ю. Л.). Можно ли после этого удивляться, что они все больны женскими болезнями? <...> Придите, научите нас, дайте нам элементарные сведения из гигиены! [Иванова, 1909: 3].

Такие заметки являются единичными находками, большинство женщин вплоть до 1920—1930-х гг. продолжали пользоваться услугами повитух, которых старались приглашать тайно.

Инкорпорация молодой матери в семью и сельский социум

Первые дни после родов (от 2—3 дней до 6 недель) женщина проводила в бане⁶. В Южной и Приладожской Карелии допускалось нахождение роженицы в избе, где для нее выделялось место на полу или на кровати, которое отделяли от остальных членов семьи с помощью занавесок или даже поленьев. В случае нахождения в доме женщина должна была непременно раз в день или чаще ходить в баню [Материалы... , 1957; Keinänen, 2003: 138—139; Сурхаско, 1985: 36]. В селениях с сильными старообрядческими традициями молодая мать возвращалась в дом лишь спустя 6 недель [Духовная культура сегозерских карел, 1980: 10].

Переходный статус роженицы, указание на ее «нечистоту» находили выражение в запрете на сексуальные контакты с мужем от 1 до 6 недель. Марта Куха из дер. Салми на северо-востоке Карелии рассказывала, что муж не мог прикоснуться к жене до благословения ее священником. Согласно поверьям, нарушение запрета негативным образом сказывалось на здоровье ребенка [Keinänen, 2003: 139—140]. Данный запрет в Карелии мог приводить к определенным коллизиям культурного и религиозного характера. Так, в приграничных западных областях Карелии широкое распространение получили межконфессиональные браки карелов с финнами. М.-Л. Кейнянен отмечала, что в таком брачном союзе карельские женщины нередко были шокированы, увидев на пороге бани своего супруга практически сразу после рождения ребенка [ibid.: 140].

Необходимо подчеркнуть амбивалентное отношение к женской «нечистоте» в это время. Например, одежда роженицы и предметы, которые использовались в родильном обряде, могли служить в качестве оберегов. По сообщениям карелок из Кемского уезда, рожденных в 1860—1880-е гг., нижняя рубашка роженицы считалась семейной ценностью — ее передавали ребенку, когда тот подрастал. С помощью одежды, в которой рожала крестьянка, можно было остановить кровотечение или защитить дитя от прихода ночницы⁷. С этой же целью в изголовье детской кровати могли положить ручку от веника (голик), которым парилась женщина после родов [Материалы... , 1958]. Голик считался одним из сильных средств для проведения обрядов поднятия лемби⁸ у девочек. Подростящая

⁶ Баня у карелов являлась традиционным местом для родов. Под влиянием православной церкви роды стали проходить в хлеву [Иванова, 2016: 51].

⁷ Yönitettäjä (заставляющая плакать по ночам) — сверхъестественное существо, которое, согласно представлениям карелов, заставляло ребенка плакать ночами.

⁸ Понятие «лемби» (lembi) в карельской культуре можно частично соотнести с термином «славутность», обозначающим эротическую привлекательность для противоположного пола, а также добрую репутацию в обществе. При этом в карельской культуре до конца XIX в. понятие «лемби» оставалось гендерно-нейтральным (см.: [Иванова, 2014: 11]).

девочка брала его с собой в адиво, а сегозерские карелки использовали в свадебных обрядах [Иванова, 2014: 37—38].

Двойственное отношение к недавно родившей женщине объясняется влиянием православия, определенным образом воспринятого в карельской крестьянской среде. При этом необходимо помнить о повседневных заботах крестьянской семьи, которые оказывали влияние как на сроки изоляции женщины, так и на отношение к ее «нечистоте». В Карелии, где институт малой семьи закрепился в качестве основной формы семейной организации в последней четверти XIX в., запреты на контакты с роженицей и соответствующие предписания подвергались переосмыслению и трансформации в сторону сужения сферы их бытования (например, оставались обязательным обрядовым компонентом только для старообрядческого населения) [Первая всеобщая перепись... , 1899a: 4; Первая всеобщая перепись... , 1899b: 4; Шикалов, 2008; Nämynen, 2004: 114].

Спустя несколько дней после родов к роженице приходили родственницы и соседки. Поздравлять начинали уже в бане, принося угощения «на зубок» (*kuyluhampahat* — банные зубы), однако большая часть визитов совершалась уже после перехода роженицы с ребенком в дом [Paulaharju, 1995: 54]. В Ухте (ныне Калевала) матери приносили различные выпечные изделия, обязательно рыбки. Более зажиточные семьи дарили ситец (см., напр.: [Материалы... , 1956]). Мужчины также могли поздравить роженицу, но оставались стоять позади женщин. Визиты и подарки «на зубок» имели для женщины важное социальное значение: таким образом выражалось общественное признание нового статуса карелки. Кроме того, подаренные продукты и деньги служили существенным подспорьем для крестьянки в первые дни после родов, особенно в малой семье⁹.

Материнство как стратегия и социальный ресурс: изменение репродуктивного поведения карельских крестьянок в конце XIX — начале XX в.

Новый, более высокий социокультурный статус женщины, ставшей матерью, нашел отражение в карельской лексике. Если до рождения ребенка замужнюю женщину называли молодухой, молодежицей (*morsien, miçoi*), то после рождения ребенка она становилась бабой (*akka*). Причем если на свет появлялся мальчик, то женщину продолжали называть молодухой всю оставшуюся жизнь, даже если следующей рождалась девочка¹⁰. В некоторых северных районах Беломорской Карелии после рождения девочки крестьянка считалась полноценной женщиной (*paini*). В соответствии с карельской лексикой, статус женщины, родившей девочку, был выше, чем при рождении мальчика. В то же время в семье мужа в соответствии с патрилинейной структурой родства невестка становилась полноправным членом только после рождения сына [Клементьев, Сурхаско,

⁹ Обычай посещения роженицы соседками сохраняется и в наши дни, в том числе в Карелии. Состав подарков изменился в связи трансформацией повседневности. Так, например, вместо отрезков ткани чаще дарят готовую детскую одежду. Вместе с тем принцип отбора подарков остался прежним — это дефицитные и/или необходимые в быту вещи [Материалы... , 2016].

¹⁰ Схожий обычай был широко известен на севернорусской территории [Бернштам, 1988: 37].

2003: 260]. Данное противоречие объяснимо, если взглянуть на «ценность» пола ребенка с точки зрения мужской и женской частей коллектива. Так, для семьи мужа рождение мальчика означало сохранение патрилокального порядка наследования. Рождение девочки наделялось высшей ценностью с женской точки зрения, поскольку она выполняла свое предназначение и продолжала род по женской линии. Близость матери и дочери также может быть связана с опытом изменения телесной целостности женщины во время родов [Олсон, Адоньева, 2016: 232]. Рождение девочки в каком-то смысле помогало преодолеть страх во время акта «отделения» и воспринималось как продолжение себя в реальном мире. Косвенным подтверждением этого тезиса являются два карельских ритуала, один из которых касался приобщения к роду отца, другой — имел отношение к предкам матери. Так, после этапа временной изоляции женщины и перехода ее в дом мужа, повитуха или сама мать подносили новорожденного к печи, чтобы «познакомить» нового члена семьи с предками, а также заручиться их защитой. В то же время, впервые давая новорожденному грудь, северная карелка говорила: «Этим питался твой род, твои предки и достославная родня, это ешь и ты» [Иванова, 2016: 73]. Таким образом, первое кормление грудью символически соединяло ребенка с материнским родом.

Рождение ребенка, безусловно, повышало социальный престиж крестьянки. Вместе с тем под воздействием социально-экономических реформ второй половины XIX в. в семьях Беломорской Карелии происходило изменение репродуктивного поведения. Проведенное финским историком Ю. Г. Шикаловым исследование показало, что в большинстве семей Беломорской Карелии уже во второй половине XIX в. рождались от 2 до 5 детей. Историк связывает данную тенденцию с развитием торгово-денежных отношений, ростом числа отходников и длительным нахождением мужчин вне дома [Шикалов, 2008: 182—185].

Важным фактором изменения репродуктивного поведения карелов было заключение трансграничных браков с финнами, семейные и культурные контакты с которыми приносили новые нормы в карельскую семью. Фольклористка Л. Старк-Арола заметила, что финские крестьянки отдавали приоритет роли хозяйки и невестки, тогда как роль матери находилась на втором плане и не занимала значительного места в народной магии [Stark-Arola, 1998: 131, 142]. Подобные перемены постепенно трансформировали представления о традиционном полоролевом поведении, согласно которому статус женщины в значительной степени определялся ее высокой репродуктивной способностью.

Заключение

Итак, замужество и рождение ребенка повышало социальный престиж крестьянки, поскольку она реализовывала свое главное предназначение. Большую роль играл пол будущего ребенка, «ценность» которого отличалась в мужской и женской частях коллектива. Этот тезис требует дальнейшего лингвистического и этнографического изучения.

Под воздействием социально-экономического развития во второй половине XIX в. в семьях Беломорской Карелии происходило изменение репродуктивного поведения в сторону сокращения числа детей. Демографические изменения затронули многие регионы России, имея свою специфику на окраинах

империи. Так, например, в Карелии они были связаны с развитым институтом отходничества, заключением трансграничных и межконфессиональных браков. Все эти факторы положительным образом сказывались на здоровье крестьянки, постепенно трансформировали представление о традиционном поведении женщины.

Вместе с тем некоторые элементы модернизации не были восприняты карельскими женщинами. Несмотря на лидирующие позиции олонецкого земства к началу XX в. в деле оказания акушерской помощи, карелки продолжали обращаться к сельским повивальным бабкам, отдавая предпочтение бане или хлеву как месту для родов.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия: (очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
- Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
- Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 274 с.
- Веселовский Б.* История земства за сорок лет. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с.
- Духовная культура сегозерских карел конца XIX — начала XX в.* / подгот. к изд. У. С. Конкка, А. П. Конкка; отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука, 1980. 214 с.
- Иванова Л. И.* Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с.
- Иванова Л. И.* Народные представления и обряды, связанные с лемби // Иванова Л. И., Миронова В. П. *Kuldazet kukkizet da kaunehet kanazet = Магия поднятия лемби и свадьба в карельской народной культуре: исследования и материалы.* [Б. м.]: Juminkeko, 2014. С. 11—107.
- Иванова Т.* Скорее и больше света // Вестник Олонецкого губернского земства. 1909. № 5. С. 3—4.
- Илюха О. П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
- Карельские народные загадки / сост. Н. А. Лавонен; под ред. Э. С. Киуру, В. Д. Рягоева. Петрозаводск: Карелия, 1982. 144 с.
- Клементьев Е. И., Сурхаско Ю. Ю.* Карелы // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. С. 160—323.
- Конкка А. П.* Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX — первая треть XX в.): исследования, материалы, документы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 320—332.
- Материалы экспедиции в Кондопожский район в 2016 г. Ю. В. Литвин // ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН (Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН). № 3795.
- Материалы этнографической экспедиции 1956 г., Петровский район КАССР // НА КарНЦ РАН (Научный архив Карельского научного центра РАН). Ф. 1. Оп. 29. Д. 44.
- Материалы этнографической экспедиции 1957 г., Олонецкий и Пряжинский районы КАССР // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 50.
- Материалы этнографической экспедиции 1958 г., Кондопожский и Медвежьегорский районы КАССР. Т. 2 // НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 29. Д. 55.

- Обзор Олонецкой губернии за 1914 год. Петрозаводск: Олонец. губерн. тип., 1915. 119 с.
- Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины / пер. с англ. А. Зиндер. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 440 с.
- Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г. Петрозаводск: Изд. Олонец. губерн. стат. ком., 1910. 279 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1899а. Т. 1: Архангельская губерния, тетр. 1. 45 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1899б. Т. 27: Олонецкая губерния, тетр. 1. 35 с.
- Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи: быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
- Справочная и памятная книга Архангельской губернии на 1875 г. Архангельск: Тип. губерн. правл., 1875. 180 с.
- Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 236 с.
- Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел (конец XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1985. 172 с.
- Чернякова И. А. Брачное поведение в Олонецкой, Беломорской и Тверской Карелии в XVIII и XIX вв. // *Väesto ja perhe Karjalassa = Население Карелии и карельская семья*. Joensuu: Joensuu yliopisto, 2003. P. 133—143.
- Шикалов Ю. Г. Архангельская Карелия: задворки Востока или форпост Запада? Репродуктивное поведение крестьян Архангельской Карелии // *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: гуманитарные исследования*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. Вып. 1. С. 181—193.
- Hämynen T. History of Karelian orthodox families in Suoärvi, 1500—1939 // *Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia*. Joensuu: Joensuu University Faculty of Humanities, 2004. P. 93—133.
- Keinänen M.-L. Creating Bodies: Childbirth Practices in Pre-Modern Karelia. Stockholm: Stockholm University, 2003. 321 p.
- Mironova V., Litvin J. Young people's joint leisure activities in traditional Karelian culture: norms and social practice // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2017. Vol. 11, № 2. P. 85—100.
- Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 247 p.
- Sarmela M. Finnish Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland / translated by A. Silver. Helsinki, 2009. URL: <https://ru.scribd.com/document/270643617/Finland-Folklore-Atlas#> (дата обращения: 23.03.2018).
- Stark-Arola L. Magic, Body and Social Order. The Construction of Gender Through Women's Private Rituals in Traditional Finland. Helsinki, 1998. 331 p. (*Studia Fennica. Folkloristica* 5).

References

- Aivazova, S. G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviia: (Ocherki politicheskoi teorii i istorii. Dokumental'nye materialy)* [Russian women in the labyrinth of equality: (Essays on political theory and history. Documentary materials)], Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii kompleks Rusanova.
- Baïburin, A. K. (1993) *Ritual v traditsionnoi kul'ture: Strukturno-semanticheskiï analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [Ritual in traditional culture: Structural and semantic analysis of the Eastern Slavic rites], St. Petersburg: Nauka.

- Bernshtam, T. A. (1988) *Molodezh' v obriadovoi zhizni russkoï obshchiny XIX — nachala XX v.: Polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Young people in the ritual life of the Russian community of the XIX — early XX c.: The age and sex aspect of traditional culture], Leningrad: Nauka.
- Cherniakova, I. A. (2003) Brachnoe povedenie v Olonetskoï, Belomorskoï i Tverskoï Karelii v XVIII i XIX vv. [Marriage behavior in Olonets, Belomorsk and Tver Karelia in the XVIII and XIX cc.], in: *Väesto ja perhe Karjalassa = Naselenie Karelii i Karel'skaia sem'ia*, Joensuu: Joensuu yliopisto.
- Hämynen, T. (2004) History of Karelian orthodox families in Suoärvi, 1500—1939, in: *Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia*, Joensuu: Joensuu University Faculty of Humanities.
- Iiukha, O. P. (2007) *Shkola i detstvo v karel'skoï derevne v kontse XIX — nachale XX veka* [School and childhood in the Karelian village in the late XIX — early XX century], St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Ivanova, L. I. (2014) Narodnye predstavleniia i obriady, sviazannye s lembi [Folk performances and ceremonies related to the Lembis], in: Ivanova, L. I., Mironova, V. P. *Kuldazet kukkizet da kaunehet kanazet = Magiia podnatiia lembi i svad'ba v karel'skoï narodnoi kul'ture: Issledovaniia i materialy*, Juminkeko.
- Ivanova, L. I. (2016) *Karel'skaia bania: obriady, verovaniia, narodnaia meditsina i dukhikhaziaeva* [Karelian bath: rites, beliefs, folk medicine and home-spirits], Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke.
- Keinänen, M.-L. (2003) *Creating Bodies: Childbirth Practices in Pre-Modern Karelia*, Stockholm: Stockholm University.
- Kiuru, E. S., Riagoev, V. D. (eds) (1982) *Karel'skie narodnye zagadki* [Karelian folk riddles], Petrozavodsk: Kareliia.
- Klement'ev, E. I. (ed.) (1980) *Dukhovnaia kul'tura segozerskikh karel kontsa XIX — nachala XX v.* [The spiritual culture of Segozer Karelians in the late XIX — early XX c.], Leningrad: Nauka.
- Klement'ev, E. I., Surkhasko, Iu. Iu. (2003) Karely [Karelians], in: Klement'ev, E. I., Shlygina, N. V. (eds), *Pribaltiisko-finskie narody Rossii*, Moscow: Nauka.
- Konkka, A. P. (2014) Grekhi i zaprety v povsednevnom i obriadovom povedenii kak chast' traditsionnoi kartiny mira u karelov [Sins and bans in everyday and ritual behavior as part of the traditional picture of the world in the Karelians], in: *Kul'tura povsednevnosti karel'skoï sem'i (konets XIX — pervaiia tret' XX v.): issledovaniia, materialy, dokumenty*, Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN.
- Mironova, V., Litvin J. (2017) Young people's joint leisure activities in traditional Karelian culture: norms and social practice, *Journal of Ethnology and Folkloristics*, vol. 11, no. 2, pp. 85—100.
- Olson, L., Adon'eva, S. (2016) *Traditsiia, transgressiia, kompromiss. Miry russkoï derevenskoï zhenshchiny* [Tradition, transgression, compromise. Worlds of a Russian village woman], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Paulaharju, S. (1995) *Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia* [Birth, childhood and death: the customs and beliefs of Viena Karelia], Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Razumova, I. A. (2001) *Potaënnoe znanie sovremennoi russkoï sem'i: Byt. Fol'klor. Istoriia* [Hiding knowledge of the modern Russian family: Everyday life. Folklore. History], Moscow: Indrik.
- Sarmela, M. (2009) *Finnish Folklore Atlas. Ethnic Culture of Finland*, Helsinki, available from <https://ru.scribd.com/document/270643617/Finland-Folklore-Atlas#> (accessed 23.03.2018).
- Shikalov, Iu. G. (2008) Arkhangel'skaia Kareliia: zadvorki Vostoka ili forpost Zapada? Reproductivnoe povedenie krest'ian Arkhangel'skoï Karelii [Arkhangel'sk Karelia: Reproductive behavior of peasants of Arkhangel'sk Karelia]

middle of of the East or an outpost of the West? Reproductive behavior of the peasants of Arkhangelsk Karelia], in: *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov*: Gumanitarnye issledovaniia, vol. 1, Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr.

Stark-Arola, L. (1998) *Magic, Body and Social Order. The Construction of Gender Through Women's Private Rituals in Traditional Finland*, Helsinki (Studia Fennica, Folkloristica 5).

Surkhasko, Iu. Iu. (1977) *Karel'skaia svadebnaia obriadnost' (konets XIX — nachalo XX v.)* [Karelian wedding ceremony (late XIX — early XX c.)], Leningrad: Nauka.

Surkhasko, Iu. Iu. (1985) *Semeinye obriady i verovaniia karel (konets XIX — nachalo XX v.)* [Family rites and beliefs of Karelians (late XIX — early XX c.)], Leningrad: Nauka.

Veselovskii, B. (1909) *Istoriia zemstva za sorok let* [The history of the zemstvo for forty], St. Petersburg: Izdatel'stvo O. N. Popovoi.

Статья поступила 17.03.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Литвин Юлия Валерьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора этнологии, Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН, г. Петрозаводск, Россия, litvinjulia@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Junior Researcher of Ethnology Section, Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation).